

ГЛАВА 5. ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

5.1. Становление российского среднего класса: предпосылки и препятствия

Трансформация российского общества, связанная с глубокими переменами в социальном поведении населения, системе мотиваций и социальных ориентиров, с неизбежностью приводит к острым противоречиям и напряжению в общественной жизни. Устранение или смягчение этих противоречий во многом зависит от того, адекватна ли социальная динамика реформируемого общества глубине и интенсивности трансформационных процессов.

Социально-политические предпосылки динамичного и интегрированного социального развития лежат в области социальной стратификации общества, в сочетании интересов и социальной мобильности представляющих ее слоев и групп населения.

Становление гражданского общества исторически связано с крупными изменениями в социальной структуре. Сегодня социальная структура российского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе социальной иерархии. Идет активный процесс размывания традиционных групп населения, происходит становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры. Социальная структура под воздействием экономических реформ изменяется, но и сами реформы нуждаются в социальной опоре.

В современных развитых обществах социальную структуру схематически можно представить в виде эллипса, нижнюю и верхнюю часть которого образуют, соответственно, бедные слои и элита, а промежуточную, значительно превосходящую их по численности, - средний класс. В таких обществах средний класс является основным творцом экономического процесса и гарантом социальной и политической стабильности. Его отличительные черты: высокий образовательный уровень и профессионализм, социальная и экономическая активность. Другой тип социальной структуры может быть

представлен в виде пирамиды, верхушку которой образуют олигархические элиты, а основание - бедные и беднейшие слои. Имеющийся здесь средний слой ни по численности, ни по своему экономическому значению не является сколько-нибудь влиятельной социальной или политической силой.

В этом смысле оправдано возникшее в последнее время внимание к проблемам формирования среднего класса в России. Со стороны властных структур оно проявилось в том, что задача формирования российского среднего класса была поставлена в качестве приоритетной на 1998 год Комитетом по экономической реформе Правительства РФ. Эта проблема находится в центре внимания политиков: решение проблем среднего класса неизменно входит в число программных задач политических образований как поддерживающих формирующийся порядок, так и оппозиционных. Наконец, средний класс является специальным предметом анализа все большего числа ученых - за последние годы накопилась значительная литература, посвященная этой теме.

Наличие, расширение и мобилизация среднего класса рассматривается сегодня как свидетельство поддержки проводимых в России преобразований, как критерий того, что реформы идут в правильном направлении и приобретают необратимый характер. Наличие и большой удельный вес среднего класса в системе социальной стратификации является одним из существенных признаков общества, называемого «развитым», «цивилизованным»¹. Построение такого общества продекларировано в качестве цели российских реформ, сущность которых в отечественной и зарубежной научной литературе часто рассматривается в контексте «модернизации». В то же время несформированность среднего класса после семи лет реформирования служит аргументом того, что изначально был выбран неправильный курс. Из опыта реформ в странах Латинской Америки известно, что именно средние слои, не востребованные в прежнем качестве, недостаточно приспособленные к предпринимательству и

¹ Рукавишников В. О Социальные аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования 1995 №1

удачливые в нем, оказываются наиболее пострадавшими в результате «догоняющей модернизации»².

Проблема наличия среднего класса в нашей стране обозначила две основные точки зрения, с позиции которых она рассматривается в постсоветской социологии. Приверженцы первой точки зрения полагают, что к началу проведения реформ в СССР существовала потенциально широкая база среднего класса. Опираясь на то, что в социальной структуре страны имеются профессиональные категории, сходные с теми, которые формируют средний класс в западных обществах, многие авторы показывают, что в Советском Союзе сложился средний класс, составляющий около трети всего населения; это «прослойка народной интеллигенции»: низшие и средние слои партноменклатуры, «белые воротнички», городская и сельская интеллигенция, офицерство. Теперь же, в связи с тем что у групп населения с фиксированными доходами, которые выплачиваются из бюджета, уровень реальных доходов и социальный статус значительно снизились, средний класс стал исчезать³.

Те, кто придерживаются противоположной точки зрения, считают, что средний класс формируется как важный элемент социальной структуры современного общества в условиях и в результате более или менее длительного функционирования и развития свободной рыночной экономики. Поэтому он не может ни существовать, ни даже «предсуществовать» в принципиально иных социально-экономических условиях. Согласно данной точке зрения, средний класс обязательно будет складываться в России, но именно «стихийно, без определенных усилий элиты» (хотя и с «усилиями» со стороны объективных социально-экономических процессов). Становление среднего класса в рамках данного подхода связано с формированием ценностей гражданского общества⁴.

² Ворожейкина Т. Социальные последствия российских реформ в свете опыта Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6.

³ Орлов А.С. Социально-политические очерки о среднем классе // Круглый стол бизнеса России. М., 1994; Беляева Л.А. Россия перед историческим выбором // Свободная мысль. 1993. № 15; Беляева Л.А. Общие направления стратификации в переходный период // Социальная стратификация современного российского общества / Круглый стол бизнеса России М, 1995

* Клопов Э.В. Из первых опытов исследования социальной структуры современного российского общества // Социологические исследования 1995 №8.

В этом споре, имеющем определенную идеологическую окраску, можно усмотреть чисто методологическую подоплеку. Если сторонники первой точки зрения ограничиваются критериальным подходом к проблеме, указывая на наличие некоторых известных критериев выделения среднего класса (уровня образования, социально-профессионального статуса), то последователи второй основываются на функциональном подходе, рассматривая, кроме критериев, еще и свойства и функции среднего класса.

Представляется, что делать выводы о существовании среднего класса - как в прошлом, так и в настоящем нельзя, ограничиваясь только критериальным подходом. Помимо обычных признаков отнесения к этой страте, существуют и «классические» признаки и функции среднего класса в обществе. Прежде всего, это - основной экономический донор: бюджет страны складывается из налогов широко-го слоя налогоплательщиков, считающих себя опорой государства и по этой причине наделенных правом контролировать его расходы. Понятно, что административно-командная экономика предполагала лишь декоративные формы контроля; таким был «народный контроль». К тому же система уравнительного распределения доходов предполагала совершенно иные принципы формирования налоговой базы - о том, что есть бюджет, принятие которого на полгода становится главным делом Парламента, страна узнала сравнительно недавно.

Другая важнейшая функция среднего класса - его ведущая роль в процессе вертикальной мобильности. Основные социальные перемещения происходят между представителями среднего класса, а также за счет взаимобмена их с другими компонентами социальной структуры. Восходящая вертикальная мобильность, возможности социального роста, которые должны обеспечивать высокий уровень благосостояния среднего класса, в свою очередь во многом обусловлены качеством образования и квалификации. В СССР, безусловно, был высок престиж образования, уровень которого обеспечивал достижение относительно высоких профессиональных позиций. Но карьерный рост имел предел; преодоление его было связано со вступлением в партию, другими демонстративными проявлениями лояльности к режиму, т.е. факторами, лежащими в другой плоскости, нежели профессионально-квалификационные. В существовавшей

экономике дефицита уровень дохода напрямую не определял характер потребления. Престижное потребление достигалось с помощью связей, или оно полагалось «по статусу» в виде пайков, ордеров и т.д. Иными словами, была закреплена зависимость соответствующего социального слоя от власти, не означавшая, впрочем, полной поддержки советского режима. Речь, конечно, идет о внутренней поддержке, поскольку при формальной и безальтернативной системе выборов внешняя была обеспечена на 99,9%.

Таким образом, существовавшая в СССР страта, хотя и обладала некоторыми чертами классического среднего класса, но не являлась им по своим социальным функциям. Это был квазисредний класс, который при существовавшем режиме не имел никаких шансов превратиться в настоящий.

Какие же перспективы формирования среднего класса существуют в нашей стране сегодня? Если сама актуальность проблемы среднего класса не вызывает сомнений, то различные ее аспекты, как-то: дефиниция, критерии выделения среднего класса, его реальная и потенциальная численность, основные модели социального действия - неизбежно носят остро дискуссионный характер. Существующая в этом вопросе неопределенность ставит перед необходимостью более пристально рассмотреть основные теоретические подходы к проблеме.

В научной литературе присутствуют две традиции исследования классов, на которые указывает О.И. Шкаратан: теория стратификации и классовая теория⁵. Страты, согласно Р. Дарендорфу, образуют иерархическую систему, отличаясь друг от друга постепенно накапливаемыми различиями⁶. Стратификация, таким образом, относительное понятие, подразумевающее некую упорядоченность членов общества на основе какого-нибудь подходящего критерия. Класс же, по Дарендорфу, рассуждающему с позиций марксизма, это всегда категория анализа социального конфликта. В этом смысле, согласно утверждению И. Крауса⁷, классы являются конфликтными группами и формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же сово-

⁵ Шкаратан О.Е., Радаев В.В. Социальная стратификация М., 1996.

⁶ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industry Society. London, 1959. P.76.

⁷ Kraus I. Stratification, Class and Conflict N-Y., 1976.

купности и как отличающиеся от интересов другой совокупности лиц. Признание классов, делает вывод О.И. Шкаратан, подразумевает наличие антагонизма, противоположности интересов больших общественных групп. Признание же страт означает существование определенных различий между людьми по каким-то признакам, - различий, которые приводят к послойному размещению индивидов в обществе.

Преодоление противоречия между классовыми и стратификационными теориями происходило в рамках веберовской традиции, которая утверждала плюрализм по отношению к основным элементам социальной структуры и при этом вводила категории социального действия и социальной динамики в анализ стратификации. Тип социального действия рассматривается здесь в качестве основной группообразующей характеристики элемента социальной структуры, а перспективы социальной мобильности - как важнейший момент положения различных групп в социальной иерархии.

В конечном итоге именно эта точка зрения, как представляется, возобладала в мировой социологии. Снимая антагонистический пафос классового подхода, Э. Гидденс, останавливаясь на проблемах стратификации в современных западных обществах, считает основные социальные группы классами, но описывает их не во взаимном противостоянии, а в виде ранжированных общностей (высший, средний и низший классы)⁸. Он же утверждает, что «структурные компоненты социальных систем следует рассматривать в отношении к человеческому действию одновременно как стимулы и так ограничители. Традиционный дуализм между действием и структурой следует интерпретировать как дуализм, где структура есть и импульс, и результат социальной практики»⁹.

Эта же позиция постепенно утверждается в отечественной науке. Так, авторы Социальной доктрины переходного периода¹⁰ относят индивидов к среднему классу в зависимости от «характера их социально-экономической активности, адаптированности, ориента-

⁸ Giddens A. Sociology. Oxford, 1991.

⁹ Giddens A. Power, the Dialectic of Control and Class Structuration // Giddens A., Mackenzie G. Social Class and the Division of Labour. Cambridge: University Press, 1982. P. 29.

¹⁰ Россия: социальная доктрина переходного периода и концепция программы действий [Сб.] / ИСЭПН РАН. М., 1996. С. 12.

ции на легальные формы реализации своих социально-экономических притязаний». Вводя понятие «динамический средний класс», авторы считают возможным отнести к нему всех тех, кто готов активно действовать в складывающихся социально-экономических условиях, использовать предоставленные возможности, не преступая общепринятые нормы морали и деловой этики, рассчитывая при этом добиться приемлемого уровня благосостояния семьи, обеспечить будущее своих детей.

Подход с позиций социального действия в определенном смысле снимает проблему критериев отнесения к среднему классу, вокруг которой также ведется непрекращающаяся дискуссия. Среди основных наиболее часто выделяются несколько критериев: образование, доход, профессиональный статус. Анализируя целесообразность применения этих критериев для выделения среднего класса, следует отметить справедливость замечания Наделя: «в современных условиях даже основополагающие критерии классовой дифференциации проявляют себя менее определенно и четко, чем в прошлом»¹¹; кроме того, специфика периода, переживаемого сегодня Россией, накладывает свой отпечаток на их использование.

Среди таких критериев часто указывается уровень образования. На основе причисления к среднему классу всех, имеющих достаточно высокий уровень образования, часто делается вывод о наличии в СССР значительного по численности среднего класса в лице массовой интеллигенции с ее огромным интеллектуальным потенциалом. В.В.Радаев же считает, что отнести всех, кто имел среднее специальное и высшее образование, «к резерву среднего класса и тем более - к уже существовавшему, но размывающемуся в процессе реформ среднему классу - нет никаких оснований»¹² по той причине, что упускается такая важная характеристика образования, как его качество. В.В. Радаев напоминает о существовавшей в СССР избыточности подготовки инженеров, иллюзорности заочного и вечернего образования, о вузах без профессоров и профессорах, неспособных научить чему-нибудь студентов. Соглашаясь в принципе с выводом о неправомерности применения данного критерия, автор считает бо-

¹¹ Надель С.Н. Проблемы социально структурного анализа // Социальный облик современного западного общества. М: Наука, 1993.

¹² Шкаратан О.И., Радаев В.В. Социальная стратификация. М., 1996. С 304.

лее убедительной другую аргументацию: образование является лишь одной из предпосылок социального действия, его ресурсом, но само по себе может не приводить к тому, что статусная позиция, соответствующая положению среднего класса, будет занята. Более того, по утверждению Л.А. Беляевой, относительно хорошо преуспевшая в современных экономических условиях группа респондентов не связывает, во всяком случае непосредственно, свой успех с уровнем образования¹³. Достаточно представительной группой респондентов образование рассматривается как фактор, скорее снижающий, чем увеличивающий шансы на успешную адаптацию в современном обществе.

Традиционным критерием для выделения среднего класса является социально-профессиональный. Согласно ему, в обществах с развитой рыночной экономикой «традиционные» средние слои представляют мелкие частные собственники (занятые в мелком и среднем бизнесе, фермеры), а «новые» средние слои характеризует, скорее, интеллектуальная собственность, навыки сложной трудовой деятельности (это менеджеры, интеллигенция, лица свободных профессий, служащие, высококвалифицированные рабочие), что связано с переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, информационному обществу¹⁴).

Интересен в этом смысле подход М. Сэвиджа и его коллег, которые полагают, что представители среднего класса отличимы в зависимости от источника их преимуществ над рабочим классом¹⁵. Этими источниками могут быть:

- финансовый капитал, наличие собственности, в том числе на средства производства;
- организационный капитал - им обладают те, кто прошел путь по бюрократической иерархической лестнице в крупной организации;

¹³ Беляева Л. А. Общие направления стратификации в переходный период // Социальная стратификация современного российского общества / Круглый стол бизнеса России. М., 1995. С. 89.

¹⁴ Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. №6.

¹⁵ Шапиро Д. Западноевропейский и российский подходы к определению среднего класса / РЕЦЭП Working paper. М., 1997.

- культурный капитал, которым владеют профессионалы, чье положение на рынке и социальные преимущества обусловлены образовательным уровнем и личными достижениями.

В широком смысле к среднему классу причисляются все представители квалифицированного нефизического труда плюс фермеры.

О неоднозначности такого подхода справедливо пишет Т.И.Заславская¹⁶. Сейчас в России существуют две относительно обособленные системы общественной оценки потенциала работников. Первая действует в негосударственном секторе, испытывающем актуальную потребность в квалифицированных специалистах и готовом высоко оплачивать их работу. Вторая, традиционно сохраняющаяся в госсекторе, по-прежнему несет на себе отпечаток уравниловки. В результате происходит расслоение на страты, существенно различающиеся своим положением: верхнюю составляют высокооплачиваемые квалифицированные специалисты управленческого и финансово-экономического и юридического профиля, занятые в частном секторе экономики; среднюю - более или менее поддерживаемые «на плаву» специалисты научно-технического профиля, занятые в ТЭК и других экспортных отраслях; нижнюю - предоставленные сами себе специалисты социального и гуманитарного профиля, занятые в бюджетных отраслях. Следует добавить, что расслоение происходит не только между частным и государственным секторами. Внутри одного сектора на предприятиях, с разной степенью успешности адаптированных к новым условиям хозяйствования, не только труд специалистов одной и той же профессии и квалификации по-разному оплачивается, но и они совершенно различным образом оценивают свои социальные позиции.

Исходя из этих соображений, следует либо признать наличие внутри среднего класса двух групп, сходных по профессионально-квалификационным признакам, но крайне различающихся по уровню и образу жизни, структуре потребления, социально-политическим ориентациям, либо еще раз усомниться в пригодности профессионально-квалификационного критерия для вычленения среднего класса в современной России

¹⁶ Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Социальные и экономические перемены Мониторинг общественного мнения. 1996 № 1.

Другой традиционный критерий выделения среднего класса - доход. В отличие от такого чисто «ресурсного» критерия, как уровень образования, доход является значительно более емким индикатором, уже отражающим социальное действие, одним из результатов которого доход по существу и является. Вместе с тем, многие авторы отмечают относительность данного критерия. Прежде всего, имеется в виду сам показатель дохода. Если берется размер индивидуального месячного трудового дохода, то он не учитывает ни семейную нагрузку, ни дополнительные источники дохода, появившиеся в настоящее время у российских граждан: доход от собственности, ценных бумаг и т.д. Размер месячного душевого дохода, наоборот, не является результатом индивидуальных усилий в рамках определенного типа социального действия и также не включает источники денежных поступлений помимо трудовой деятельности. Другим недостатком данного критерия является то, что он игнорирует фактор стабильности, регулярности поступления дохода. Это соображение, а также то, что определение самого размера дохода сегодня является проблемой для российской статистики, делают этот критерий мало пригодным в условиях новых реалий.

Тем не менее, без отнесения к определенной доходной группе не обходится ни одно описание среднего класса. В проблемах такого соотнесения можно выделить три аспекта: уровень доходов, степень их дифференциации, скрытые доходы.

Введение в качестве индикатора объема среднедушевого дохода предполагает, что все те, чей доход попадает в сакраментальную «площадку для гольфа» - пространство между крайними квантилями - и составляют средний класс (см. табл. 5.1, где приведены данные Госкомстата).

Исходя из приведенных статистических данных, к среднему классу следует относить 48% населения, чей среднедушевой доход составляет от 600 до 1600 неденоминированных тыс.руб. Однако хорошо известно, что в официальной статистике не учитывается реально существующая верхняя децильная группа, поскольку представляющие ее слои населения не проходят ни по бюджетным, ни по социологическим мониторинговым обследованиям. Наши исследования сбережений населения свидетельствуют о том, что весьма проблематична включенность в статистику доходов и второго сверху

дециля. Понятно, что введение реального распределения объемов дохода существенно меняет картину. Однако и рассмотрение официальной статистики в динамике позволяет увидеть тенденцию размывания трех средних квантилей (см. табл. 5.2, где приведены данные Госкомстата).

Таблица 5.1. Распределение среднедушевого месячного денежного дохода за 1997 год

Среднедушевой месячный денежный доход (тыс. руб.)	Численность населения	
	млн. чел.	%
до 400	29,0	19,7
400-600	29,1	19,7
600-800	24,2	16,4
800-1000	18,0	12,2
1000-1200	12,9	8,8
1200-1600	15,7	10,6
1600-2000	8,1	5,5
свыше 2000	10,5	7,1
Всего	147,5	100,0

Таблица 5.2. Распределение общего объема денежных доходов населения в 1991-1995 годах

Период	Денежные доходы (в % к итогу за каждый период), в том числе по 20%-ным группам					Индекс Джинни
	1	2	3	4	5	
1991	11,9	15,8	18,8	22,8	30,7	0,26
1992	6,0	11,6	17,6	26,5	38,3	0,28
1993	5,8	11,1	16,7	24,8	41,6	0,39
1994	5,3	10,2	15,2	23,0	46,3	0,40
1995	5,5	10,2	15,0	22,4	46,9	0,38
1996	6,5	10,9	15,5	22,4	44,7	0,37
январь-май 1997	6,5	11,4	16,0	22,9	43,2	0,36
1997	6,2	10,5	15,0	21,3	46,9	0,37

В 1994 году удельный вес трех средних квинтильных групп составлял 58,4%, в 1995 году снизился до 48,4%, несколько повысившись в 1996 году - до 48,8%, а в 1997 году составил 47,1%. Вымывание среднедоходных групп хотя и замедлилось, но, тем не менее, остается ведущей тенденцией. При этом очень интересна динамика 1997 года, когда в первом полугодии доля среднедоходных групп увеличилась до 50,3%, а во втором - резко уменьшилась.

По мнению Госкомстата России, начиная с 1996 года процесс социального расслоения по уровню доходов замедлился. Соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения снижается. Оно достигло пика в 1994 году - 15,1, снизившись в 1995 до 13,5 и в 1996 году до 13, в первой половине 1997 года уменьшившись до 12,4, а концу года увеличилось до 13,2. (Следует иметь в виду, что пик 1994 года может быть также обусловлен произошедшим в этот момент изменением в методике учета денежных доходов населения). Представленная статистикой динамика индекса Джинни, выявляющего степень неравномерности доходов по квинтильным группам, также подтверждает сокращение уровня социальной дифференциации.

Однако приводимые данные Госкомстата об уровне дифференциации населения по доходам вряд ли могут быть признаны адекватными реальности. В них учитываются только официальные источники доходов, составляющие, как показывает практика, лишь долю (которую нелегко установить) действительно получаемых доходов. Поэтому и коэффициент Джинни по России сопоставим с показателями вполне благополучных стран. Так, индекс Джинни в Швеции в 1987 году составлял 0,304, в Италии - 0,310 (1986 год), в Великобритании - 0,297 (1985 год)¹⁷. Очевидно, что концентрация богатства и бедности в современной России абсолютно не соответствуют процессам в этих странах. По данным, полученным в ходе исследования сбережений населения, децильный коэффициент денежных душевых доходов домохозяйств России в октябре 1996 года достиг 20,5 раз, а

¹⁷ Май В. Российские реформы сквозь призму латиноамериканского опыта: некоторые итоги и тенденции // Вопросы экономики. 1997. № 2.

коэффициент фондов - 168 раз¹⁸, и это при том, что не были учтены доходы наиболее богатых граждан.

В виду того, что расчет прожиточного минимума никем не признан идеальным, индикатор дохода не включает всех денежных поступлений, а зарплата берется в начисленном, а не в реально полученном выражении (что при существующих сроках задержки выплат далеко не одно и то же), представленные Госкомстатом данные позволяют лишь сделать вывод о существующей тенденции отрыва доходов от прожиточного минимума, наиболее явно обнаружившей себя с середины 1995 года.

За всеми неувязками и искажениями статистики стоит, как представляется, проблема теневой, или «параллельной экономики», масштабы которой достигают, по разным оценкам, от 30 до 40% ВВП¹⁹. Это означает, что скрытые от налоговой службы и государственной статистики формы и размеры доходов являются преобладающими, а данные официальной статистики об уровне доходов населения и степени дифференциации доходов не отражают реальных процессов, происходящих в обществе.

Подводя итог сказанному, необходимо признать, что выделение среднего класса на основе какого-либо одного критерия или даже их комбинации вряд ли продуктивно, особенно в контексте трансформации российского общества. В этой связи следует рассмотреть другое направление исследований среднего класса - с точки зрения его основных свойств, или функций.

Одной из основных функций среднего класса, которую отмечают практически все отечественные и зарубежные исследователи этого феномена, является его роль социального стабилизатора. Именно с этой функцией связан периодически возникающий интерес российских политиков к данной проблеме. В процессе динамичной трансформации российского общества, когда происходит размывание прежней социальной структуры и формирование новой - значительно усложненной, - неизбежно проявляются социальные противоречия, дестабилизирующие общество и ставящие под сомнение сам ход и конечные цели модернизации. Наличие массового среднего

¹⁸ Сбережения населения Российской Федерации М., 1997

¹⁹ Шмелев Н Новый этап российских реформ пределы и возможности // Вопросы экономики 1998 № 1

сложения, воспринявшего стратегические цели общественной трансформации, сумевшего встроиться в трансформационный поток, нашедшего в нем свое место, объективно способствует общественно-политической стабилизации.

Многие специалисты отвечают на вопрос, что делает средний класс оплотом социальной стабильности. Прежде всего, промежуточное, среднее положение данного класса внутри материально-имущественной шкалы свидетельствует об определенных успехах и достижениях в деятельности принадлежащих к нему людей. Потребность закрепить достигнутые позиции объективно связана с нежеланием изменить правила игры, овладение которыми позволило этим успехам добиться. Такая позиция связывает средний класс с существующим режимом экономически и политически, экономически, поскольку, будучи встроены в национальную экономику, средний класс составляет основную массу налогоплательщиков, сберегателей и массовых частных инвесторов (отсюда - «сберегающий класс»), и политически, так как он не заинтересован в «раскачивании лодки», т.е. в поддержке любых видов политического экстремизма. Разумеется, за пределами данных рассуждений остается вся внутренняя противоречивость и неоднородность самого среднего класса. Вместе с тем, диверсификация различных социальных групп, включенных в данное понятие, по экономическим интересам, формам потребления, политическому мировоззрению и т.д. снимается при том условии, что все они включены в социальное действие в рамках существующего социально-политического контекста

Вторым основанием, позволяющим считать средний класс оплотом социальной стабильности, является его ведущая роль в процессе вертикальной мобильности. Как уже отмечалось выше, большинство взаимобменов в обществе происходит как внутри самого среднего класса, так и между ним и другими элементами социальной структуры, причем мобильность может быть и восходящей, и нисходящей. О.А.Александрова²⁰ приводит данные исследований французских социологов, согласно которым средние классы составляют почти половину пополнения высших классов, а рабочие -

²⁰ Александрова О. Процессы социальной стратификации и социальной интеграции К проблеме формирования среднего класса // Россия проблемы социальной адаптации / ИСЭПН РАН. М, 1996

почти 1/3 расширения средних, половина сыновей из средних классов наследует занятия отцов, 40% становятся рабочими, 10% поднимаются в правящий класс. При этом возможности пополнить ряды тех или других определенным образом соотносятся с численностью среднего класса - в пять раз больше правящего и вдвое меньше рабочего.

Именно свободные каналы восходящей вертикальной мобильности, четкие перспективы социального роста делают средний класс стабилизирующей силой общества. Блокировка этих каналов и в особенности доминирование нисходящего вектора мобильности способны вызвать социальный дискомфорт и существенно дестабилизировать общественное развитие.

В отличие от критериального подхода, выделение среднего класса на основе его функций связано с определением основных адаптационных моделей социального поведения. На их основе возможно будет определить численность (реальную и потенциальную) тех слоев населения, которые если и не являются «классическим», то могут быть отнесены к «динамическому» среднему классу переходного общества.